Покровитель / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Покровитель / рассказ ПОКРОВИТЕЛЬ

Он никогда и не мечтал о такой блестящей карьере! Как множество ему подобных, Жан Марен, сын провинциального судебного исполнителя, приехал в Париж, чтобы в Латинском квартале пройти курс юридических наук. В пивных, которые он поочередно и усердно посещал, он сдружился с несколькими краснобаями-студентами, любителями потолковать о политике за кружкой пива. Он восхищался ими, упорно следовал за ними из родного кафе в другое, а когда бывал при деньгах, даже платил за них.
Потом он стал адвокатом и занялся ведением дел, которые обычно проигрывал. Но вот как-то утром он узнал из газет, что один из его прежних приятелей по Латинскому кварталу избран депутатом. Он снова сделался его верным псом, другом из числа тех, на кого взваливают неприятные поручения и хлопоты, за кем посылают, когда в том оказывается надобность, и с кем вообще не стесняются. Но случилось так, что благодаря парламентской интриге депутат превратился в министра. Полгода спустя Жан Марен был назначен государственным советником.

На первых порах его обуяла такая гордость, что он совсем потерял голову. Он расхаживал по улицам ради удовольствия показать себя, словно по одному его виду можно было догадаться о его высоком звании. По самым незначительным поводам он ухитрялся заявлять лавочникам, у которых покупал что-нибудь, газетчикам и даже извозчикам:
— В качестве государственного советника я…
Как следствие его важного положения, как профессиональная неизбежность, как долг могущественного и великодушного человека, у него, естественно, родилась властная потребность покровительствовать. Он с неиссякаемой щедростью предлагал поддержку всем на свете, пользуясь любым предлогом.

Встретив где-нибудь на бульваре знакомого, он подходил к нему с восторженным видом, жал ему руки, справлялся о здоровье, а потом, не дожидаясь вопросов, объявлял:
— Знаете, я ведь государственный советник, и я весь к вашим услугам. Если могу быть чем-нибудь полезен, располагайте мною без стеснения. В моем положении можно многое сделать.
И он заходил с повстречавшимся приятелем в кафе, требовал перо, чернил и почтовой бумаги: «Один листок, голубчик, мне только рекомендацию написать».
Таких рекомендаций он писал по десять, двадцать, пятьдесят в день. Он писал их в Американском кафе, у Биньона, у Тортони, в Мэзон Дорэ, в кафе Риш, у Эльдера, в Английском кафе, в Неаполитанском — всюду, всюду. Он писал всем должностным лицам Республики, начиная с мировых судей и кончая министрами. И он был счастлив, вполне счастлив.

Однажды утром, когда он вышел из дому и отправился в Государственный совет, стал накрапывать дождь. Г-н Марен хотел было нанять извозчика, но раздумал и пошел пешком.
Дождь все усиливался, вода залила тротуары, затопила мостовую. Г-ну Марену пришлось укрываться в подъезде. Там уже стоял какой-то священник — седовласый старик. До того как сделаться государственным советником, г-н Марен недолюбливал духовенство. Но с тех пор как один кардинал учтиво спросил его совета в каком-то запутанном деле, он стал относиться к церкви с уважением. Дождь лил как из ведра, и, чтобы спастись от брызг, аббату и советнику пришлось отступить в самую глубь подъезда, к швейцарской. Г-н Марен, которого по обыкновению подмывало поговорить и похвастаться, сказал:
— Какая скверная погода, господин аббат!
Старик кивнул головой:
— Да, да, сударь, и особенно это неприятно для тех, кто приезжает в Париж всего лишь на несколько дней.
— А вы из провинции?
— Да, сударь, я здесь проездом.
— Конечно, очень неприятно приехать в столицу на несколько дней и попасть в дожди. Вот мы, чиновники, живем здесь круглый

год, так нас это мало беспокоит.
Аббат не ответил. Он смотрел на улицу; ливень стихал. Наконец, решившись, аббат подобрал сутану, как женщины, переходя лужу, подбирают юбку.
Видя, что он уходит, г-н Марен воскликнул:
— Вы промокнете насквозь, господин аббат. Подождите еще несколько минут, дождь сейчас пройдет.
Старик в нерешительности остановился, потом возразил:
— Видите ли, я очень тороплюсь. У меня важное дело.
Г-н Марен был явно огорчен.
— Но вы промокнете буквально до нитки. Позвольте спросить, в какую сторону вы направляетесь?
Кюре, казалось, смутился, потом произнес:
— Я иду по направлению к Пале-Роялю.
— В таком случае разрешите, господин аббат, предложить вам укрыться под моим зонтиком. Я иду в Государственный совет. Я государственный советник.
Старик поднял глаза, поглядел на соседа и сказал:
— Благодарю вас, сударь, и с удовольствием принимаю ваше предложение.
Тогда г-н Марен взял старика под руку и повел его. Он руководил им, следил за ним, давал советы.
— Осторожнее, тут канавка, господин аббат. Берегитесь экипажей, колеса иной раз обдают грязью с ног до головы. Остерегайтесь пешеходов с зонтами. Нет ничего опасней для глаз, чем острые спицы зонтов. Особенно несносны женщины: они не считаются ни с чем и постоянно, и в дождь и в пекло, тычут вам спицами прямо в лицо. Да и вообще-то они ни о ком не беспокоятся. Можно подумать, что город — их собственность. Они царствуют на тротуарах и мостовых. Я лично считаю, что женское воспитание у нас сильно хромает.
И г-н Марен захохотал.
Кюре не отвечал. Он шел слегка сгорбившись, тщательно выбирая, куда ступить, чтобы не испачкать обуви и сутаны.
Г-н Марен продолжал:
— Вы, вероятно, приехали в Париж немного поразвлечься?
Старичок ответил:

— Нет, у меня дело.
— А! И важное дело? Разрешите спросить, в чем оно заключается? Если я могу быть вам полезен, я всецело к вашим услугам.
Кюре замялся, потом пробормотал:
— О, это небольшое дело личного характера. Маленькая размолвка… с епископом. Вам оно не будет интересно. Это… это — дело внутреннее… чисто церковное.
Г-н Марен старался услужить:
— А ведь Государственный совет как раз занимается подобными делами. В таком случае располагайте мною.
— Да, сударь, в Государственный совет я и иду. Вы бесконечно добры. Мне надо повидаться с господином Лерепрэром и господином Савоном, а, пожалуй, также и с господином Петипа.
Г-н Марен круто остановился.
— Но ведь это же мои приятели, господин аббат, лучшие мои приятели, прекрасные товарищи, чудные люди! Я дам вам рекомендации ко всем троим — и самые горячие рекомендации. Рассчитывайте на меня.
Кюре стал благодарить, рассыпался в извинениях, бормотал умильные слова признательности. Г-н Марен был в восторге.
— Ну, вы можете похвалиться, что вам на редкость повезло, господин аббат! Вот увидите, вот увидите благодаря мне ваше дело пойдет как по маслу.

Они дошли до Государственного совета. Г-н Марен пригласил священника к себе в кабинет, предложил ему кресло, усадил перед камином, а сам сел за письменный стол и принялся строчить:
«Дорогой коллега, позвольте самым искренним образом рекомендовать вам почтеннейшего и достойнейшего пастыря, господина аббата…»
Он остановился и спросил:
— Простите, как ваша фамилия?
— Сентюр.
Г-н Марен продолжал писать:
«… господина аббата Сентюра, нуждающегося в вашем благосклонном содействии в небольшом деле, о котором он вам

расскажет.
Рад воспользоваться случаем, чтобы выразить вам, дорогой коллега…»
И он закончил письмо обычными приветствиями.
Написав три письма, он вручил их своему протеже, и тот удалился после нескончаемых изъявлений благодарности.
Г-н Марен пробыл в присутствии положенное время, вернулся домой, спокойно провел вечер, безмятежно спал, утром проснулся в прекрасном настроении и велел подать газеты.
Газета, которую он развернул первой, была органом радикалов. Он прочел:
Наше духовенство и наши чиновники
Злоупотреблениям духовенства, видимо, никогда не будет конца. Некий священник по имени Сентюр, уличенный в заговоре против правительства, обвиненный во многих недостойных поступках, о которых мы предпочитаем умолчать, заподозренный вдобавок и в том, что он бывший иезуит, перекрасившийся в простого священника, был отрешен епископом от должности по причинам, которые, как утверждают, неудобно оглашать, а затем вызван в Париж для дачи объяснений. Но тут он нашел пылкого защитника в лице некоего Марена, государственного советника; последний, не смущаясь, дал этому преступнику в сутане рекомендательные письма ко всем своим коллегам, чиновникам Республики.
Обращаем внимание министра на недопустимый образ действия этого государственного советника…

Г-н Марен вскочил с постели, наскоро оделся и побежал к своему коллеге Петипа, который сказал ему:
— Да вы с ума сошли! Присылаете ко мне этого старого заговорщика!..
Ошалевший г-н Марен пролепетал:
— Да нет же… видите ли… я был введен в заблуждение… У него такой почтенный вид… он меня надул… надул самым недостойным образом. Прошу вас: осудите его, осудите построже, как можно строже. Я сейчас же напишу… Скажите, кому надо написать, чтобы его осудили? Я обращусь к прокурору, к парижскому архиепископу — да, да, к архиепископу…

И, поспешно сев за стол г-на Петипа, он написал:

«Монсиньор, имею честь довести до сведения Вашего преосвященства, что я стал жертвою козней и лжи некоего аббата Сентюра, который обманул мое доверие…
Будучи введен в заблуждение уверениями этого священника, я…»

…

Подписав и запечатав письмо, он обернулся к своему коллеге и провозгласил:
— Пусть это послужит вам уроком, друг мой: никогда никому не давайте рекомендаций!

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 5 февраля 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994
Перевод Е. Гунст Hekaýalar